

12+

Олег Ашихмин
Университетская роща
Рассказы

Олег Ашихмин
Университетская роща.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54074849

SelfPub; 2020

Аннотация

Рассказы о золотой студенческой поре, годах юности и становления, моментах выбора, которые влияют на всю дальнейшую жизнь героев. Истории о верности, преданности и дружбе.

Сокол

Газета выходила по средам. Поэтому во вторник вся редакция работала в авральном режиме. И не потому, что все всё оставляли на последний момент, как это у нас принято. И не оттого, что в газете работали одни раздолбаи, хотя и не без этого. А потому, что создание газеты, не смотря на всю ее технологичность и консервативность, в большей степени акт творческий, и делают ее люди творческие, а у них, как известно, всегда возможен элемент импровизации. К тому же, всегда хочется что-то исправить, добавить или сократить, переписать, поменять абзацы местами, еще подумать над заголовком, одним словом, сделать лучше. Что из этого получается, мы все прекрасно знаем. Там где нет системы, есть хаос.

Бывает так, что газета уже сверстана и сдана в типографию, но происходит такое важное событие, что его никак нельзя проигнорировать, и редактору, с испариной на лбу, приходится перекраивать все полосы, выбрасывать какие-то статьи, репортажи, удалять или уменьшать фотографии, делать мельче или крупней заголовки, короче, приходится не переделывать газету, а делать фактически новую.

К этому добавьте, что в любой момент может зависнуть редакционная компьютерная сеть, или пропасть нужный снимок в миллионе снимков архива. Вирусы могут побить файлы в компьютере главного редактора, за час до под-

писания номера в тираж. Может позвонить хозяин газеты и сообщить, что какой-то материал нужно снять, чтобы с кем-то не ссориться, а чем заткнуть дырку его абсолютно не волнует, должно же у вас что-то быть «прозапас» – это в еженедельной-то газете, коих множество и все они борются за актуальность и оперативность. Точно так же, владелец, или кто-нибудь из акционеров, могут сообщить редактору, что необходимо поставить интервью с какой-нибудь шишкой на полполосы, а то и на полосу, да, его нужно съездить взять и тиснуть в завтрашним выпуске. А развороты уже сверстаны, в редакции аврал, все готовят выпуск. Кому-то придется бросать свои дела и нестись на интервью, а затем в машине на коленке расшифровывать материал с диктофона и в лихорадке печатать текст. И, если даже журналист вывернется, и, все-таки успеет, то придется снимать чьи-то чужие материалы, а во всех газетах мира есть железное правило, если в номер не попал, то значит и не заработал, и редактору на очередной планерке придется объяснять людям, что они не зря работали неделю и всё до последней строчки будет оплачено, правда из каких фондов, одному Богу известно, а заплатить надо, поэтому для главного редактора кошмар накануне выпуска не заканчивается. Он продолжается даже когда газета уже лежит в киосках и в почтовых ящиках.

Бывают и совсем детские проколы. Человеческий фактор. В каком-нибудь материале неожиданно найдутся неточности или фактические ошибки, а полосы то уже сверстаны, вы-

кованы из гранита, и надо решать, что делать. Раскапывать и исправлять, если время есть, снимать, если есть чем заткнуть. Если нет ни того ни другого, то выходить как есть, а в следующем номере публично извиняться, писать опровержение или делать вид, что мы продолжаем расследование. Одним словом, вторник в газете – это как на войне на передовой, ты никогда не знаешь с какой стороны и когда на тебя полезут танки.

Юрий Николаевич Белоусов, имея за плечами тридцать лет газетного стажа, из них пятнадцать на посту главного редактора различных печатных изданий, включая цветные многополосные толстые журналы, как не старался все свои редакции привести в систему, а журналистов приучить к порядку, день сдачи материалов все равно был авральным.

Раньше ему переживать стрессы помогал крепкий мат, потом валидол, а теперь он стал философом. Даже когда ситуация была патовая и казалось, что было уже всё и на все какие можно грабли он уже в своей жизни наступал, жизнь ему четко давала понять, что до дна еще очень далеко! В таких ситуациях себе и своим подчиненным Белоусов говорил одну замечательную фразу:

– Даже если через пять минут начнется потоп, землетрясение или война, газета все равно выйдет.

Так как Белоусов к пятидесяти стал философом и говорил эту ставшую в редакции фразу крылатой, спокойно и уверенно, все успокаивались, умиротворялись и проблема, как-

то решалась или рассасывалась, без надрыва, суеты, матов и лишних нервов.

Во вторник к двум часа дня журналисты, корреспонденты и фотографы должны были сдать статьи, заметки, зарисовки, репортажи, фельетоны, очерки, интервью и фотографии начальникам своих отделов, а те, вычитав их, поправив и отредактировав, если это было необходимо, к пяти, передавали их главному редактору. Белоусов вносил заключительные правки и к девяти вечера всю газету, по электронной редакционной сети отправлял на производство в типографию. С этого момента все выдыхали и, если было желание, то могли выпить коньяку с шоколадом и лимоном, которые в редакции в холодильнике имелись всегда, или пойти в ближайшее заведение. Сдача газеты, какой-никакой, а маленький праздник.

Белоусов любил молодых, и работать предпочитал с молодыми. В них еще есть азарт, и порох и запал, нужная доля авантюризма и романтизма, которые со временем у матерых журналигов трансформируется в едкий цинизм, снобизм и самолюбование. Поэтому вся редакция была до тридцати. Причем эта команда журналистов состояла из восьми очень разных девушек и двух мужчин.

Ярослав Соколов, а в журналистских кругах Сокол, был из тех, кто работу делал четко и свои материалы писал и сдавал заранее, или как минимум, вовремя. Поэтому вторник для него был обычным днем, а среда вообще выходным, впро-

чем, как и для всего разношерстного коллектива еженедельной газеты.

В среду с утра выходил номер. На работу по случаю безумного вторника, можно было приехать попозже, часам к одиннадцати. В редакции пахло кофе, все шуршали газетами и с удовольствием просматривали свежак, еще пахнущий свинцом и типографской краской. Перекидываясь шутками, замечаниями и наблюдениями, по поводу нового номера и вчерашнего загула, если он был и, было, что обсудить, все с удовольствием листали, читали и изучали газету. Даже если ты работаешь двадцать лет, все равно всегда интересно как сверстаны полосы, какие материалы и снимки попали в тираж, насколько хороши твои работы и работы коллег. А главное, кто выигрывает в этот раз?!

Главный редактор, Юрий Николаевич Белоусов с незапамятных времен в газете ввел «Оскары», в виде премий. В каждом номере определялся лучший материал, лучший заголовок и лучший снимок. Победа в номинации составляла сто долларов, которые чемпион получал сразу после появления на работе в среду утром. Лучших Белоусов определял сам, опираясь на свой громадный опыт и профессиональный вкус. Как правило, это были справедливые решения, которые не вызывали споров и раздоров в редакции, зато зелёные сотки в конвертах заставляли народ писать и снимать интересней, острее и ярче. Творческий тонус конверты поддерживали и стимулировали невероятно. Вкус победы сладок,

поэтому все упирались, даже не столько из-за денег, сколько из профессионального тщеславия. И газета в среду утром изучалась с пристрастием, потому что победить хотел каждый.

Ярослав Соколов, Ярик, как его любя все звали от редактора, до уборщиц и промывальщиков валиков в типографии, был в редакции самым «титulóванным». Белоусовских «Оскарóв» он получал практически за каждый номер, а бывало, что и по два за выход газеты в свет. Коронкой его были заголовки, ну и материалы под ними тоже были на уровне. Кстати сказать, он не гнался, во что бы то ни стало, за деньгами или очередной победой. Просто так получалось. Точнее получалось, потому что он любил свою работу, свою газету и за это ему еще и платили деньги! Это ли не счастье?

В команду Белоусова Ярослав пришел сразу после университета.

Сокол, был настоящим, породистым журналистом: редактор школьной газеты, юнкор детской редакции на областном телевидении, затем журфак. Все пять курсов он проработал на местном канале в «Новостях». Совмещать лекции, зачеты и съемки было очень тяжело, но именно это выдрессировало его и заложило дисциплину на всю жизнь. Каждый день ему приходилось очень подробно планировать, а главное, эти планы выполнять. Иначе, можно было запросто оказаться в ситуации, что ты и не там, и не там. Серенький и полуобразованный журналист, не лучший вариант для старта в жиз-

ни. Поэтому Ярослав одинаково ответственно относился и к оценкам в зачетке, и к текстам, которые он ежедневно писал.

Когда зимой на первом курсе он пришел в редакцию «Новостей», и сказал, «Ребят, возьмите без денег. Только научите». Ребята посмеялись, но взяли. А через два месяца, предложили ставку и ввели в штат, так упорен и трудолюбив был Ярослав на своём первом официальном месте работы.

– Звать бы тебя Орлом, но раз уж судьба с фамилией не угадала, будем звать тебя Соколом! Сокол ты Ярослав, Сокол, просто красавец!– на редакционной пьянке по случаю торжественного «вливания» в коллектив, произнес сакраментальную фразу кто-то из маститых журналистов, – Как ты беспощадно обрушился на наш горсовет. Мы их всех знаем, дружим, пьем вместе, поэтому и не трогаем, а ты на свежака, да так мощно.

– Давай за молодых, – подхватил редактор, и спитый матерый телевизионный коллектив махнул по первой.

И закрутилось журналистское телевизионное колесо Ярослава.

– Ребят, пресс-служба ментовская позвонила, кто может ночью съездить в аэропорт, снять, как наш ОМОН прилетел из Чечни...

– Я!

– Кто готов завтра утром съездить в мэрию записать интервью...

– Я!

—А кто желает «выходные провести на свежем воздухе», нужно два дня с рыбнадзором на катере покататься, браконьеров поотлавливать...

— Я!

— Я!Я!Я! — Ярослав как пионер был всегда готов и брался за любую работу. Семьи у него еще не было, поэтому на съемки он мог ехать когда угодно: и в выходные, и ночью, и рано утром. Для него это был бесценный опыт. Из любого карликового события, если подойти тонко, нестандартно и талантливо, всегда можно сделать классный репортаж, и, наоборот, сенсацию или что-то уникальное, при отсутствии желания работать, можно так вяло и уныло подать, что весь город переключит канал. Эту истину Ярослав знал прекрасно. Ему не раз об этом говорили на журфаке. Так же он был уверен, что журфак даст только базовое образование, но писать не научат. Шишки все придется набивать самостоятельно, поэтому через огромный объем работы, массу проходных и неинтересных тем, он тупо набивал руку или, если выразиться изящней, оттачивал свое перо. Он с удовольствием брался за любые съемки, которые ему столь великодушно подкидывали ленивые коллеги, уже давно ни к чему не стремящиеся.

Особенно важно было много работать, снимать и писать на младших курсах. Первые два года он приходил домой только спать, а все остальное время проводил на занятиях и на съемках.

Обычно студентам в редакциях не платят. Они как вольные художники, что-то пишут, слоняются по коридорам, курят, участвуют в редакционных пьянках, могут не появляться неделями, затем, что-то написать, опытные журналисты, если у них есть желание, могут с ними повозиться и чему-то научить, подсказать, но с Ярославом Соколовым всё было по-другому. Он впрягся и потащил наравне со всеми.

С таким подходом, за пять лет, он превратился в классного репортёра и после защиты диплома, в то время, как его однокурсники метались в поисках работы, он мог выбирать. Любой канала, газета или журнал города приняли бы его с распростертыми объятьями.

В универе была военная кафедра. Вопрос с армией был закрыт. Поэтому отгуляв выпускной и сходяв в отпуск, он уволился с телевидения и выбрал еженедельник Белоусова.

К Белоусову он пришел не просто готовым специалистом, а молодой звездочкой. Его иногда узнавали в метро, приезжая на съемки, он много раз слышал: «А вы тот самый Соколов? Такой молодой? Кто бы мог подумать...» Ярославу это льстило. Однако он не обольщался. Так уж повелось, что телевизионщики всегда более известны, нежели газетчики или радиийщики. Когда твое лицо и фамилия ежедневно на протяжении пяти лет мелькает в телевизоре, тебя, может и не полюбят, но уж точно привыкнут.

В первый рабочий день, когда Белоусов представлял Ярослава редакции, половина девушек на него смотрела с непод-

дельным интересом, молод, почти знаменит, хорош собой, а вторая половина с недоумением, Соколов, с телевидения, в газету? Очень странно?! Однако на первой же редакционной пирушке Ярослав всем ответил на этот вопрос.

– Хочу научиться писать большие материалы. Хочу ездить в командировки и чем дальше, тем лучше. А когда ты работаешь в новостях, ты всегда привязан к городу и изо дня в день пишешь короткие репортажи с хронометражем до двух минут. Это очень мало, к тому же, по большому счету, все время пишешь об одних и тех же событиях, работаешь с одними и теми же пресс-службами, берешь интервью у одних и тех же людей, губернатора или мэра по три раза на дню встречаешь на разных мероприятиях, то на открытии чего-то, то на закрытии... Пора идти дальше. Пришло время расти, а делать это лучше у Белоусова. Второго такого специалиста в городе нет.

Объяснение Ярослава было очень понятно, потому что, было честным, и коллектив газеты его принял как своего.

Новый шеф Ярослава, был выпускником того же журфака, только на тридцать лет раньше. Когда Ярик был студентом, декан факультета, в прошлом одноклассник и лучший университетский друг Белоусова, с которым они в одной комнате жили в общежитии и в один день уходили в армию, два-три раза в семестр приглашал Юрия Николаевича и тот читал лекции по газетным жанрам, рассказывал, как правильно верстается полоса, разворот и в целом газета или журнал.

– На развороте фотография, если это портрет, всегда должна смотреть в середину газеты или журнала. Ни в коем случае герой статьи или материала не должен быть заверстан с краю и смотреть с полосы на белые поля, если вы, конечно, не хотите этим подчеркнуть некую отстраненность персонажа, о котором вы пишете, – на первых минутах лекции поведал Белоусов первокурсникам, среди которых был и Ярослав.

– А мужик дело говорит, – подумал Ярик и с повышенным вниманием начал слушать все то, что рассказывал новый препод. Это было их первое знакомство. Затем, «Я.Сokolov» начал пописывать в газету Юрия Николаевича, Белоусов, видя, что из парня будет толк, редактировал его материалы лично, и неудачные, вместе с Ярославом подробно разбирал, правил и указывал на ошибки. Причем поучал и журил, всегда очень корректно. Белоусов, матерый журналист и мудрый человек прекрасно понимал, что это сейчас он желторотый. А пройдет время, и они будут коллеги. Может, даже в одном издании будут работать. Белоусова много раз приглашали на телевидение, но он очень сильно не любил суету, беготню, гонку... Солидный и размеренный темп газеты его устраивал. Он и сам был такой: основательный, размеренный, аккуратный. Он не одобрил, когда Ярослав пошел работать на телевидение.

– Ты научись сначала писать. Освой разные жанры. Надо уметь и зарисовки воять, о птичках, о лужах, о весне,

со вкусом, с любовью к жизни... И очерки, о людях, событиях, о заброшенном дворике, о детской качели, скрипящей на ветру... Фельетоны: ироничные, смешные, со скрытым смыслом, если в лоб нельзя, рассказы, если угодно, не говоря уже о больших статьях и репортажах. Я, тебе больше скажу, – Белоусов вошел во вкус, – Писать уметь надо, не только в разных жанрах, но и разными стилями: лаконично, если это официоз, сдержано или напористо, если это аналитика, оценка, или авторский взгляд, или авторский комментарий... Эмоционально, торжественно, иронично, со стебом и сарказмом, если это сработает на сверхзадачу материала, улавливаешь, о чем я? – Белоусов вопросительно посмотрел на Ярослава.

Ярик утвердительно кивнул.

– В прозе, как и в стихах, так же важен ритм, размер предложений, мелодия текста. От всего этого зависит восприятие читателя того, что ты напишешь. В свете всего изложенного, авторитетно заявляю, что половина телевизионщиков писать не умеет, или умеет, но сто строк максимум. Они всю жизнь пишут заметки. Успеешь еще, набегаясь... Чтобы перо было острым, его Ярослав, постоянно точить надо.

Но Ярослав все же выбрал телевидение. Однако про еженедельник Белоусова он не забывал никогда. Попадая на классные или уникальные события, помимо репортажей для своих новостей, он писал развернутые материалы для Белоусова. Белоусов хоть и ворчал, но следил за телевизионной

карьерой подшефного и всегда был рад его текстам, которые в газете выходили под псевдонимом «Ярослав Молодцов». Неудачи и промахи по-прежнему подвергались разбору и критике, но Белоусов не мог не отметить, что парень растёт.

– Ещё бы, – думал он, – Когда в один день пишешь два, три, а то и четыре репортажа на разные темы, тут хочешь, не хочешь, добавишь в мастерстве.

Ярослав очень ценил такое личное отношение мэтра к себе. Всегда благодарил за науку, никогда не обижался на замечания, не спорил из-за исправлений и сокращений в тексте, с улыбкой переносил колкости Белоусова насчет телевидения:

– Ну, что? Не набегался еще? Не надоело писать: что, где, когда? Может пора, посерьезней начать относиться к слову, к текстам, к темам на которые пишешь? Начать вырабатывать свой авторский стиль? А то так можно всю жизнь пробегать с микрофоном, да со штативом на плече и так и не написать ничего стоящего.

– Всё так, всё так Юрий Николаевич. Но пока еще побегаю.

Телевидение Ярослава привлекало динамикой, калейдоскопом событий, постоянной гонкой за новостями, успеть в эфир раньше всех каналов, подать событие под необычным ракурсом, смонтировать и озвучить репортаж с изюминкой, интригой, с попыткой внутренней драматургии. На те-

левидении Ярослав мог быть и сценаристом, и драматургом, и режиссером и продюсером. Всё начиналось с телефонного звонка куда-то, нащупывалась новость, затем концепция, как эту новость можно подать. Сборы на съемку, выезд. На месте события начиналось самое интересное. С операторами он придумывал кадры, планы, панорамы. Иногда жизнь подкидывала неожиданные подарки, и ничего не выдумывая, нужно было только успеть снять, настолько колоритны и фактурные были события. Бывало, отснятые исходники в монтажную прибежала смотреть вся редакция, настолько грандиозны и уникальны были кадры. Удача в жизни журналиста много значит.

Ярослав одинокого любил и съемки и процесс монтажа. По пути в редакцию, примерный текст и композиция репортажа «в чернее» выстраивались в голове. После просмотра «исходника» и отснятых интервью, картинка и текст складывались в единое произведение, которое оставалось только записать и «склеить». Работа над текстом новостийного репортажа всегда скоротечна. Это не передовица в газету или гвоздевой материал в журнал. Это новость. Она должна быть проста и понятна, без изысков. Это в газете кроме текста и читателя ничего больше нет, поэтому-то газетчики так мастерски владеют словом. Просто они ограничены в средствах. Белый лист и черные буквы, всё! Только текст и воображение читателя. Результат зависит от того, скорее не что, а как написано. Если никак, то после третьей строчки читатель

начинает смотреть следующий материал, если и он никакой, то третий, четвертый... Поэтому плохие газеты не читают, а просматривают.

Другое дело телевидение. Даже в коротком репортаже – динамично смонтированная картинка, она интересна сама по себе. Текст, который журналист может прочитать как актер, с паузами, с интонацией, и телезрители в обычном репортаже увидят не то, что было написано на бумаге, а то, на что намекал корреспондент. К этому добавьте музыку, которую можно подложить под текст с картинкой и тем самым погрузить, создать настроение, или естественные шумы, записанные на месте события: взрывы на полигоне у саперов, крики спортивного поединка, гул турбин на аэродроме и если все это грамотно смонтировать, то на выходе получится классный репортаж, который зрители с удовольствием посмотрят. А газету нужно читать и напрягаться, пытаясь понять, что же этим все-таки хотел сказать автор.

В своих самых нескромных мечтах Ярослав хотел писать и владеть словом как прожженный газетчик и снимать и монтировать, как матерый документалист. Но до этого было еще очень далеко, поэтому отвергая все предложения Белоусова не расплыться и сосредоточиться на газете, Ярослав оставался верным эфиру и гонке за новостями. Только в «Новостях» у него была возможность много работать, писать и снимать на разные темы, начиная от детских утренников в яслях, до коррупционных скандалов в областной администра-

ции, а главное, он мог это делать круглосуточно. Если нужно было днем поучиться, значит, он мог поработать ночью, например, поснимать дежурство полицейского патруля или провести беспокойную ночь с пожарными, или снять постановочный, запланированный репортаж о городской службе, которая отвечает за ночную подсветку родного мегаполиса. В таком репортаже должно быть много выверенных красивых кадров с фонарями, яркими улицами, проспектами, подсвеченными и освещенными зданиями, красоты города нужно показать с разных точек, много переездов, поиски природы, силуэтов, интересных светлых и темных пятен на домах и делается это все не быстро, без спешки, без суеты. Успех, во многом, здесь зависит от операторской работы. Классный мастер снимет зарисовку, а у обычного оператора даже из такого сказочного материала все равно получится репортаж, которые тысячами проходят за год в эфире и которые никто никогда не вспомнит. Поэтому подобные сюжеты готовятся, обговариваются заранее, сначала на бумаге в редакции, затем с выездами ночью на природу, чтобы решить какие объекты будут сниматься, как это реально выглядит ночью, какие фильтры нужно будет взять с собой для объективов...

Ярослав без преувеличения снимал и днем и ночью, и поэтому не удивительно, что в каждом выпуске городских новостей всегда был его репортаж, а как правило, два, три, а в понедельник, после плодотворных и ударных выходных четыре и даже пять. Естественно, это не проходило незамечен-

ным и в университете. Иногда лекция на журфаке в группе Ярослава начиналась так:

– Ну жестко ты их приложил вчера Соколов, не боишься... или, – В вечернем выпуске, очень приличный сюжет, Молодец Ярослав... Но бывало и по-другому, – Уважаемый студент Соколов, если вы ещё не овладели профессией, то возможно не стоит свои промахи выпячивать на всеобщее обозрение. Есть определенный уровень, ниже которого не должен опускаться ни один журналист, а вы вчера опустились. Я сидела перед телевизором, и мне просто было стыдно, что вы такой выскочка и недоучка...

Когда Ярослава хвалили, каждый в группе ему завидовал, но вместе с тем, и верил, что его звезда тоже обязательно взойдет, просто еще не время. Когда ругали, все без исключения были за него. Обычно, в аудитории в такие моменты, повисала гнетущая тишина, и каждый раз, после очередной порции публичной порки, будущие журналисты всегда ждали, что вот сейчас Ярослав что-то скажет, как-то отреагирует, может, даже, наконец, огрызнется, потому как профессионально и ежедневно со всех пяти курсов на телевидении работали несколько человек, а успешно, всего двое, Ярослав и еще один парень с четвертого курса.

– Будем практиковаться, и изучать азы профессии с ещё большим рвением и усердием, – отшучивался Ярослав в подобных случаях.

Когда щипали за дело, он не обижался. Более того, он пре-

красно понимал, что в бешеном ритме телевидения ни всегда есть возможность отточить и выверить текст, из огромного количества отснятых исходных материалов выбрать именно те кадры, куски интервью, шумы или звуки, которые уместны именно в этом репортаже. На телевидении всё происходит скорее вопреки, нежели благодаря чему-то. Дежурная ситуация, ты возвращаешься с вечерних съемок за полчаса до главного вечернего эфира, с полной уверенностью, что сейчас ты чего-нибудь съешь, выпьешь чаю, согласишься с ребятами выпуск и затем, спокойно подготовишь материал, который пойдет завтра в утреннем эфире. Распахивается дверь аппаратной, оттуда вылетает главный редактор и еле сдерживая маты, красный от напряжения, кричит на всю студию:

– Делай, что хочешь, но материал должен быть готов через двадцать минут. Мы круто не добираем по времени, дырка в четыре минуты. Твой репортаж пойдет в вечерний эфир. И подлиннее, хотя бы минуты три. Можешь три с половиной.

Где уж тут до тонкостей, мастерства или эстетства. Сам погибай, но товарищей выручай. Вот и клеишь залепуху с текстом, где одна вода, затянутые неинтересные интервью и всё в таком духе. Можно взбрыкнуть и отказаться, но тогда ты недолго протянешь в этом коллективе. А если вывернешься и сможешь, это все оценят.

Бывает иначе, когда никто не виноват и нет никаких дырок. Вечером происходит очень важное событие, которое во

что бы то ни стало надо подать. Опять, не важно как, лучше конечно хорошо, но важно, чтобы оно было в эфире. Между каналами всегда была и есть конкуренция, счет идет на минуты, кто первый сообщил, тот и король. Это на следующий день можно показать развернутый сюжет, с комментариями, историческим экскурсом, мнениями всех сторон. Тему можно муссировать хоть неделю, показывая её в развитии. Но выйти в эфир первыми, когда событие только произошло, а еще лучше, когда оно осталось незамеченным остальными – это высший пилотаж.

Зная все это, Ярослав никогда не комментировал и не смеялся над ляпами коллег с других каналов. Ведь неизвестно, в каких условиях пришлось делать «неудавшийся» репортаж или сюжет. Телевидение – это сурово. Здесь реально выживают сильнейшие.

А что, до критики преподавателей, то на неё у Ярослава был иммунитет. Еще на первом курсе ему объяснил Белосусов:

– Страна у нас такая, кто не умеет писать, учит. Кто не умеет играть в футбол, тренирует. Поэтому не обольщайся на счет журфака. Он поможет прекрасно знать и разбираться в литературе, глубоко погрузит в русский язык, даст поверхностное представление о философии, экономике и геополитике. Но писать тебя никто не научит... Это – или есть, или нет. Хочешь стать классным специалистом, работай с молодых ногтей, глядишь и выплывешь.

Вот Ярослав и работал, не обращая внимания на мелкие занозы. Досадно было только в одном случае. Когда время позволяло все сделать хорошо, но что-то отвлекло или помешало и, придя домой, перекусив и немного успокоившись после очередного суматошного, аврального и безумного телевизионного дня, слегка отдохнув и посмотрев итоговый вечерний выпуск в ночном повторе, естественно, мысли были только одни:

– Никогда нельзя терять концентрации. Нужно все делать профессионально от начала и до конца.

Сытый, отдохнувший, с проветренными мозгами на свои сюжеты он смотрел иначе:

– А вот сейчас бы сделал по-другому. Если бы не нужно было торопиться на следующий сюжет, и текст можно было написать поизящней, и эпизоды смонтировал бы в другом порядке, да и интервью второе было лишним... Ну завтра утром в универе начнется...

Это только одноклассники Ярослава были к нему лояльны. Они знали, что он хороший парень и все успехи достигнуты его умом и горбом. У него нет папы продюсера или банкира, он из простой семьи и всего достиг сам. А младшие и старшие курсы были уверены, что на телевидение его запихали, постоянно ему помогают и свой путь в жизни Сокол пробивает не сам, а кто-то за него. Поэтому многие его не любили, завидовали и только и ждали, чтобы он споткнулся. В моменты маленьких триумфов его, естественно, никто не

хвалил, а вот поёрничать в моменты промахов своим долгом считали многие:

– Круто у тебя вчера в одном предложении «чтобы» два раза. Можно было без «чтобы-чтобы», просто написать два простых предложения, или, – Ну ты и нагородил вечером в репортаже про больницу, и эти твои дурацкие «чтобы». Зачем так сложно и громоздко, ты же не Толстой. Пиши проще, это ведь новости...

Ярослав как обычно отшучивался. Ему никогда не хотелось оправдываться или рассказывать, что этот текст он писал в машине на коленке, когда та, нарушая правила, металась из ряда в ряд, визжа тормозами, неслась в редакцию, чтобы он успел в эфир.

Его лучший друг Никита Гусев, на всё это смотрел иначе.

– Ярослав, да заткни ты им пасти. Обруби раз жестко, и все замолкнут.

– Поэт, не дорожи народной молвою... – улыбнулся Ярослав.

– Нет, ну, в самом деле, они умничают, а сами за всю жизнь, ни строчки не написали.

В словах Никиты было много правды, но Ярослав, вряд ли мог каждому объяснить, что телевизионные новости – это катушка. Ты едешь, снимаешь, монтируешь и снова уезжаешь на очередной пожар, аварию, учения, пресс-конференцию, заседание или открытие чего либо... и так изо дня в день. В информационной программе, да еще и с таким рит-

мом, трудно написать что-то по-настоящему уникальное, и тонкое.

Другое дело газета. Над некоторыми материалами для Белоусова, Ярослав работал неделю. Писал, сомневался, вставал среди ночи и переписывал, переделывал, казалось бы, уже готовые куски текста. Здесь для него было важно, в каком порядке слова, какие по стилю и размеру предложения. Как разместить абзацы... И ему это доставляло истинное удовольствие. Когда Ярослав Соколов, уже известный в городе журналист получил университетский диплом и нужно было определиться с работой, естественно он выбрал газету.

Телевидение дало сумасшедшую базу, основу профессии. Он выжил в сверх конкурентной среде, у него появились знакомые во всех мыслимых и немыслимых организациях, начиная от моргов, кладбищ и психиатрических лечебниц, заканчивая троллейбусными парками, спортивными клубами и армейскими частями.

В его записной книжке были прямые телефоны мэра, губернатора и многих известных людей города, которым он мог запросто позвонить и договориться об интервью, встрече или каком-нибудь комментарии. Это все было наработано за пять лет бешеной гонки, во время которой он еще умудрился и универ закончить.

–Хваткий ты парень, Соколов,– поощрял Ярослава Белоусов, когда в бытность студента и репортера новостей он привозил интересные и удачные материалы в газету.

Для Белоусова Ярослав писал нестандартные, редкие и интересные вещи. Стандартные ему давно надоели на телевидении.

В газету он приносил материалы, например о том, как, обычная семья скопив денег за год, на машине во время отпуска, проехала от Владивостока до Санкт-Петербурга. Рассказ о поездке был на полосу, с дорожными заметками, наблюдениями путешественников, и тонкими шутками Ярослава по поводу Российских дорог, гаишников, и прочих коллизий, которые дружная семья встречала в пути на, без преувеличения, бескрайних просторах нашей Родины. Дорожные заметки стали гвоздем того номера и Белоусов впервые сказал Ярославу, что ему нужно писать, а не носиться по городским свалкам с камерой и оператором. Затем был большой материал о женщине, которая третьеклассников научила в уме умножать двухзначные и трехзначные числа. После статьи Ярослава эту женщину пригласили в научно-исследовательский институт и она свою методику внедрила во всех школах города. Затем было несколько командировок в Чечню с целым ворохом различных материалов, но самое уникальное в командировках Ярослава на Кавказ было то, что в них никто не погиб, никто не вернулся домой армейским бортом в цинке «грузом 200». Сначала Ярослав поехал с ОМОНОМ, затем с СОБРОМ, десантники его взяли уже как талисман, а после он дважды ездил со срочниками из спецназа внутренних войск. В крайней командировке ко-

мендант Грозного, генерал-майор лично вручил ему «Кавказский крест» и, вернувшись, Ярослав сам уже стал объектом внимания своих коллег и полушутя – полусерьезно раздавал интервью. Прозвище «Талисман» за ним так и закрепилось, а вместе с тем во всех частях, соединениях и ведомствах округа уважение и доверие со стороны людей в погонах, поэтому Ярослав мог при необходимости добыть любую официальную информацию из крайне закрытых армейских учреждений.

Вообще, работа в газете приносила намного больше удовольствия, чем телевидение. На канале был адреналин и постоянное соревнование, где соперник, ты сам: сможешь или не сможешь, успеешь или кто-то другой будет первый, потянешь шестьдесят репортажей в месяц или сделаешь тридцать пять, как все?

В газете все было размеренно, спокойно, планоно. Много командировок, интересных поездок, встреч. За пять лет Белоусов из Ярослава сделал очень приличного автора и любимца редакции.

Уже будучи в штате Ярослав приходил на работу когда хотел и если в этом была необходимость, запросто работал дома. Плюс ко всему, Сокол брался только за те темы, которые сам и предлагал. Рутину, бытовуху и официоз Белоусов отдавал другим.

Далеко не всем коллегам это нравилось. На одной из планерок подняли этот вопрос.

Белоусов, выслушав и выдержав паузу, по этому поводу сказал следующее:

– Соколов, в отличие от многих из вас, – главный редактор многозначительно обвел взглядом коллектив, – Все материалы сдает в срок. За все время не завалил ни одного дела. Вам господа для того, чтобы написать разворот надо три дня, а ему четыре часа. Поэтому работайте и к вам, будет, соответствующее отношение... Вам деньги платят не за то, что вы здесь сидите с девяти до шести, а за классные материалы.

На этом вопрос рабочего графика журналиста Ярослава Соколова был исчерпан.

Ярослав на самом деле сдавал все вовремя и Белоусов знал, что в любой момент может «бросить его под танки». Если понадобится, что-то срочно сделать внепланово и хорошо, у него под рукой всегда есть Соколов. Даже если это за пределами человеческих возможностей, он все равно сделает, потому что парень от природы был очень собран и внимателен, и плюс к этому, в юном возрасте прошел жесточайшую школу телевидения, где формула успеха: пять процентов таланта и девяносто пять – здоровья. Поэтому журналисту Соколову он позволял, чуть больше. Может, это было и непедагогично, по отношению к другим, но в этом Белоусов как руководитель видел большие плюсы: коллектив всегда должен быть в тонусе и рычаги давления на него могут быть разнообразными, в том числе и признание чьих-то успехов. Ну, а то, что Ярослав материалы писал какие хотел, а не ка-

кие прикажут, и много путешествовал, так это от того, что он сам находил интересные темы и умудрялся договориться и упасть на хвост какой-нибудь экспедиции без привлечения денежных средств редакции.

За первый год работы у Белоусова Ярослав побывал и на Байкале, и на Чукотке, и на сопках в Чите и в Монголии. Да и еще много где.

Когда по средам на планерке верстали следующий номер и решали, кто – чем будет заниматься, помимо «Оскар» всегда была еще одна интрига, что же Ярослав придумает на этот раз.

На этот раз Белоусов объявил, «Оскар» и плавно перешел к планированию номера. Ярослав в премиальный список не попал. Но не расстроился, потому что знал, что в следующем номере его репортаж будет бомбой!

– Значит так, – начал степенно Белоусов, – в этом номере будет несколько обязательных материалов.

Редакция, состоявшая из восьми женщин разного возраста и двоих мужчин, Ярослава и Андрея Рыкова, напряглась в предвкушении.

Как правило, обязательные материалы ничего интересного не предвещали – это мог быть какой-нибудь праздник «светофора» в детском саду с участием сотрудников ДПС, открытие новой столовой при какой-нибудь школе, освещение дорожного ремонта или выездное совещание мэрии.

– В субботу, губернатор поедет торжественно открывать

новую котельную в поселке «Корешково». Сопровождать в поездке, Андрей, придется тебе.

– Юрий Николаевич, – погрустнел Рыков, – суббота же, выходной...

– Ничего, отдохнешь в понедельник, материал нужен как обычно во вторник к обеду.

– Ясно, – смирился Рыков и дальнейшая планерка его уже не интересовала.

– Да. Раз ты будешь в понедельник отдыхать, значит, все материалы, над которыми ты сейчас работаешь, нужно сдать в пятницу до обеда, – внимательно посмотрев на Рыкова, подытожил главный редактор.

У Андрея в следующий номер помимо губернатора и котельной, должны были пойти репортаж и две статьи. Зная прекрасно своих журналистов, Белоусов был уверен, что сегодня никто особо работать не будет и на сдачу хвостов у Рыкова останется, четверг, пол пятницы, так-так он явно пораньше захочет свинтить домой, и с учетом его выходного в понедельник, может случиться так, что все материалы Андрей будет доделывать во вторник. А это аврал для редактора вечером, и цейтнот ночью для типографии.

– Ты отнесись к моим словам по серьезней, – еще раз пошверлив глазами Рыкова, спокойно, но уже с небольшим нажимом сказал Белоусов.

– Да понял я, понял, – день для Рыкова был испорчен.

– Замечательно, – подытожил Белоусов и окинул взглядом

всех присутствующих.

Дальше главный редактор распределил оставшиеся «обязательные» материалы и выслушал предварительные планы на будущий номер.

Очередь дошла до Ярослава.

Белоусов его всегда оставлял на финал. Из-за того, что парень в газете работал относительно недавно, глаз у него был еще не замылин, а штампы и шоры не убили дух романтизма и авантюризма. Белоусову и самому было интересно, что же будет на этот раз!

– Ну, а вы товарищ Соколов, чем порадуете читателей в следующем номере?

– Юрий Николаевич, коллеги, вы только не удивляйтесь, – начал, было, Ярослав...

– Уже заинтригован, – улыбнулся Белоусов, такому многообещающему вступлению.

– В нашем городе открылся первый стриптиз-клуб.

– Вот те на, – изумился Белоусов, – Неожиданно.

– Я хочу написать репортаж. Прийти туда не с удостоверением, а как простой клиент. Посмотреть, разузнать, готов даже свои деньги потратить.

– Ну, естественно, – ухмыльнулся Рыков

– Да не надо свои. Редакция тебе выделит, – спокойно сказал Белоусов, в голове уже прикинув под каким соусом подавать этот репортаж и какой резонанс может вызвать этот материал, если у Ярослава получится его классно сделать.

–Юрий Николаевич, – оторопел Рыков, – Вы серьезно!?

–Вполне. Скорее всего – это бордель, как и во всем мире. Даже будет интересно разобраться, кто этот стриптиз крышует, бандиты или менты. Хороши ли там дамы, сколько, что стоит...

– Да, я также слышал, что там работают балерины из нашего театра, известная гимнастка, – подключился Ярослав.

–Вот видишь, Андрей, – сколько там можно нарыть, а если интересно написать, то это будет гвоздевой репортаж нового номера.

–Конечно... Кто-то в свой выходной поедет с губернатором в котельную, – с обидой начал было Рыков...

– А к проституткам поедет тот, кто хорошо учился в школе! – перебил его главный редактор и все перевел в шутку, – Так Ярослав, при наших дамах не будем обсуждать тонкости твоего нового задания, поговорим отдельно. Планерка закончена, всех благодарю за работу.

Кабинет редактора сразу наполнился голосами, шумом, задвигались стулья, все устремились к выходу, а Ярослав подсел поближе к Белоусову. Успех его статей и репортажей был еще и в том, что он тщательно к ним готовился, и первый этап подготовки был обсуждение возможных ходов и тем материала с Белоусовым. Причем это не был разговор начальника с подчиненным. Это была скорее дружеская беседа двух творцов, опытного и молодого, которому еще все интересно и только предстоит встать на крыло и заматереть.

Но не надо спешить. Уметь наслаждаться жизнью, иногда бывает куда важнее, чем добиться результата.

2017

Охота

Степкин отец был известен как спортсмен, рыбак, охотник, турист, заядлый автолюбитель и одновременно пьяница и бабник. С последними двумя характеристиками были связаны не столько алкоголизм и распутство, сколько нелепые, смешные, на грани правды, истории. В целом Семенов-старший слыл хорошим инженером и добряком, и весь двор считал, что Степке повезло. Иметь такого отца – для пацана это просто счастье. От родителя Семенов-младший унаследовал факультет механики политехнического института и свойство попадать во всякие истории. Больше у Степки с отцом общих эпизодов в биографии не предвиделось. Особенно Семенов-старший горевал оттого, что сыну не смог внушить любовь к природе, спорту и охоте. Все усугублялось еще тем, что с детства Степка до глубокой ночи зачитывался книжками, с отличием и красным дипломом закончил музыкальную школу, а на предмет охоты безапелляционно говорил отцу: «Ну что мне сделали эти птички и зайчики? Пусть они живут и летают». После подобных заявлений Семенов старший сокрушался: «Степка!? Ну как ты жить – то дальше собрал-

ся!?»). Но нужно отдать должное терпеливому родителю, что сокрушался он без истерик. Хоть Степка и косил под ботаника, парень он был что надо, и Семенов предполагал, что то, как живет и какие задачи перед собой ставит сын, – это тоже вариант. Он не давил, но все же считал, что походы за грибами, охота и рыбалка не помешали бы. Мать Степки на все эти идеологические стычки своих мужиков смотрела философски, дескать время рассудит – кто прав. И время рассудило. Однажды вечером сын пришел домой и с порога поверг всю семью в изумление.

– Я еду на охоту, – стесняясь своей решительности, выпалил Степка.

– А я думала, чем омрачится столь прекрасный день?..

Семенов-старший посмотрел на жену и не без гордости спросил: – Степан, ты не заболел ли?

Степка вкратце поведал, что с первым снегом с двумя одноклассниками и «еще одним пацаном» они на поезде поедут в настоящую тайгу на зайцев.

– Там даже лоси водятся! – триумфально завершил он, решив пока опустить дальнейшие детали и подробности, так как восхищенный глава семьи мог повести себя неадекватно.

И действительно. Психическое состояние Семенова-старшего могло резко ухудшиться в любую секунду. Степкин отец сиял как медный таз и путался в мыслях, думая, с чего начать. Этого момента он ждал всю жизнь:

– Сынок, патронов возьми с дымным порохом, дробь

пусть будет двойка, тройка и на всякий случай картечь... Хотя нет, картечь не нужна. Тебе нужен белый маскхалат, хорошие сапоги – болота в тайге еще не промерзнут, потом возьми побольше носков, обязательно спички, компас, нож... бутылку водки я тебе дам... Так, что еще? Тебе срочно надо сделать охотничий билет и переоформить мое старенькое ружье. Затем, подобрать теплые вещи, можно еще взять валенки и на всякий случай несколько патронов с пулями...

– Пап. Ты меня, что, на войну собираешь? – перебил Степка взволнованного родителя. Семенов-старший прервался, но подумав сказал: – Ладно, ты прав. Не все сразу. Я тебе расскажу и покажу все по порядку. Время еще есть. Жаль, что ты раньше со мной не ездил...

* * *

Следующий месяц был посвящен систематическим сборам, инструкциям, и даже однажды Семеновы ездили за город. Степка учился стрелять из ружья. Преимущественно по бутылкам, которые самоотверженно подкидывал отец. На втором десятке патронов он начал в них попадать, и Семенов-старший не без гордости резюмировал:

– Моя кровь. Гены – великая вещь!

К поезду Семенов Степку отвез лично. Несмотря на все преграды, в пятницу ему удалось пораньше убежать с работы и вовремя подъехать к вокзалу.

– У меня, сынок, охотничье приключения начинались уже

на стадии вокзала, – пошутил Семенов старший, вытаскивая ружья и рюкзак из машины.

«У меня тоже», – подумал Степка, вспомнив, что дома оставил сумку с патронами, документами на ружье и деньги. Благо билеты покупал не он. «Съездил на охоту», – обреченно подумал он, но решил не портить торжественности момента и, взяв после теплого прощания с отцом вещи, поплелся к перрону.

* * *

После нескольких бутылок водки и третьего часа пути, под стук колес и гомон друзей, Степка расслабился и решил, что если ружье без документов заберут, то так тому и быть. Значит, охота не для него, и прав он был, что не рвался на охотники и рыболовы. Об отце старался не думать. Конечно, он ужаснется, когда дома увидит сумку, но, может, не станет ее разбирать и не узнает, что Степка уехал без лицензии, разрешения на оружие и охотничьего билета. Так думал Семенов-младший, захмелев и засыпая под стук колес.

* * *

После пересадки на электричку Степка с друзьями добрался до деревни своего одноклассника. К Антону приехали поздно ночью, поели и легли спать. Выпивать больше не стали.

– Вам завтра в лес, так что нечего, – сказал Антонов дед

и отправил молодежь спать.

* * *

Утром встали все бодрые и возбужденные. Быстро поели и приступили к сборам. Через полчаса Антонов дед многозначительно осмотрел всех «охотников», ужаснулся, но в лес отпустил.

– Не перестреляйте там друг друга. Будьте предельно внимательны. На охоте должна быть во всем рациональная крестьянская простота. В лес зайдете, не полите там, а то все звери разбегутся, – были его последние слова, но внук, Степка и два Андрея их уже не услышали. Поскрипывая утренним снегом, они побежали в тайгу.

Степка был коренной сибиряк и всю жизнь прожил в Сибири, но в тайге ни разу не был. Когда только зашли в лес, Семенов-младший понял, что это морозное утро он запомнит на всю жизнь. Такой красоты он не видел никогда...

* * *

Через четыре часа безрезультатных поисков зайцев измотанный и уставший Степка взмолился повернуть домой. Антон, выросший в деревне и знавший лес как свои пять пальцев, предложил пройти еще пару километров и затем, сделав небольшую петлю, вернуться.

– Я к деду без зайцев не пойду, – обрубил он, и они двинулись дальше.

Следующие два километра, как и предыдущие четыре ча-

са, они видели море заячьих следов, но ни одного зайца.

– О! Степка, смотри, лосинные следы еще свежие. Недавно здесь был сохатый, снег только утром выпал. Надо будет деду рассказать, где следы видели, – сказал Антон, взглядом окидывая местность. Степка с интересом поразглядывал огромные следы и в шутку сказал:

– У меня, кстати, в сумке патроны с пулями были.

– Да не, Степ. Мы бы сохатого не взяли. У лосей плохое зрение, но очень хороший слух, а так, как вы по тайге идете, сохатый услышал бы за несколько километров. Если бы с нами дед пошел, то материл бы вас всю дорогу. На охоте так шуметь нельзя, – без зазнайства поведал Антон.

– Ну, давайте тогда хоть по пням и сучьям дробью постреляем, раз зайцев нет, а сохатый не по зубам, – предложил Степка.

– Нежелательно. Вдруг за этим лосем кто-нибудь идет, да и последних зайцев распугаем.

– Да бог с этими зайцами. Я зачем столько патронов на себе пёр, – возмутился один Андрей.

– Вот-вот, – поддержал его тезка.

* * *

По самым скромным Степкиным подсчетам, за час они расстреляли двести патронов. В лесу стояла такая канонада, что самые крутые фильмы про войну отдыхают. Настрелявшись и перекусив, с чувством выполненного долга они от-

правились домой.

* * *

– Стой, – внезапно сказал Антон.

Все остановились. Вдалеке в их сторону двигались два человека.

– Может, поглубже в лес уйдем, вдруг егеря или еще кто-нибудь? – предложил Антон. – Хотя нас четверо и все с ружьями... Ладно, идем дальше.

* * *

Степка шел впереди и, приблизившись к мужикам, поздоровался первый.

– Да пошел ты, – грубо оборвал его один. – Придавить вас тут, как котят, чтобы больше не шастали...

– Слышь. Ты за языком следи и думай что говоришь, – оборвал его Антон и крепче взял ружье.

Мужик пристально посмотрел на ружье, на Антона и спросил:

– Ты Петровича внук, что ли?

– Ну и что дальше? – спросил Антон, не собираясь прощать грубость.

– А ты, паря, не борзей, – подключился второй. – Мы за лосем два дня уже ходим. Сегодня специально рано не пошли, чтобы по утреннему снегу, по его следам, его взять, а вы тут целую Чечню устроили.

– Ну кто знал, что вы по следу идете, – вступил в разговор Степка.

– Да какого хрена в лесу пальбу устраивать? Вам, что, парни, патронов не жалко? Я за зиму пять зарядов трачу и двух лосей беру, а вы целый час палили. Канада по всей округе стояла. Вы приехали-уехали, а нам здесь жить. Этот лес – мой. Вы лося перепугали так, что теперь он или вообще уйдет, или на стреме все время будет. К нему теперь не подберешься. Я Петровичу еще приду, пожалуюсь.

– Жалуйся, – сказал Антон. – Этот лес такой же твой, как и мой. Браконьеры вроде тебя здесь всего зверя выбили. За весь день ни одного зайца не увидели. Пойдемте, парни, домой, нечего с этими уродами разговаривать.

– Ах ты, сучёнок! – вспыхнул грубиян и рванул к Антону, но тот упёр ему в полушубок ствол и даже не двинулся.

– Все, мужики, хорош, – скрипя снегом, подбежал Степка и отвел ствол Антона. – Вы еще стрелять тут начните.

Антон ухмыльнулся, подмигнул Степке и пошел в сторону деревни. Мужики поматерились и пошли дальше своей дорогой. Больше выстрелов в лесу в этот день не было. На следующее утро Антон сводил друзей в лес в другую сторону от железной дороги, кроме заячьих следов они снова ничего не увидели и измотанные, но довольные, вернулись домой. Дед гостей встретил баней, а внука матом, за вчерашнюю пальбу.

– Антошка, твою мать, вы что как, дети малые. Стрелять надо в тире, – без злобы за водкой после бани отчитывал вну-

ка дед. – Зверь же не дурак, не мудрено, что вы пустые пришли. А вот то, что Витьку с Васькой стеганули – это одобряю. Не мои б года, я бы еще сам бы им по перу выдернул. Прибежали сегодня утром, жаловаться давай, так, мол, и так, а я говорю, ну ладно, я лосей бил, так я из нужды, чтоб мясо было, а они браконьерят, лосятину продадут и заливают шары, пока деньги есть. Как все пропьют, снова в тайгу за лосем. В лесу, как у себя дома. Хозяева хреновы.

– Ничего, дед. Пробьет и их час.

– Это точно. Ну, все. Давайте по крайней рюмке и спать. Завтра электричка рано. А до станции я вас не повезу, сами пойдете.

* * *

Сборы были недолгие. Электричка, затем поезд, и так же, как и приехали, под водку и уже охотничьи разговоры Степка с друзьями поехал домой. Засыпая, он подумал, что, надо же, дома не был всего три дня, а такое впечатление, что прошел месяц.

* * *

В город поезд прибыл в понедельник рано утром. Степка понесся домой, чтобы бросить вещи, смыть с себя всю грязь и рвануть в институт. Еще с улицы он заметил, что на кухне горит свет, предки были еще дома.

* * *

– О, сынок вернулся, – обрадовалась мама. – Как съездил? Семенов-старший, не оборачиваясь, спросил:

– Ружье забрали?

– Нет, не забрали.

– Это хорошо. Кого-нибудь подстрелили?

– Нет, только лося жизнь спасли.

– Ну, естественно, ты же на охоту ездил, – попытался пошутить Семенов-старший. – Еще поедешь?

– ... Поеду, – немного подумав, сказал Степка, вспомнив запах пороха морозным утром и свежесть тайги.

– Ну и молодец, – обрадовался отец, решив не ругать сына за забытую сумку. Со всеми бывает.

2001

Погуляли . . .

Не загадывай в веселье-

Тяжело будет похмелье.

– Мам! – пробасил Виктор, стоя одетый в коридоре и для уверенности держась за ручку входной двери.

– Ну? – откликнулась из кухни мама, перекрикивая журчание воды и звон посуды.

– Мам, – пробубнил сын голосом, в котором чувствовались просьба и неуверенность.

– Что опять случилось? – высунувшись из кухни, предвидя недоброе, насторожилась Елена Михайловна, женщина лет сорока, законченный оптимист, с претензией на юмор.

– Мам, это... – начал, запинаясь, Слонов, – У этого... У Сашки Петрова... это... День рождения... – вымучил он из себя, сам не понимая, зачем после каждого слова впихивал это дурацкое «это».

– А я чем могу помочь? – улыбаясь, но по-прежнему недоумевая, спросила Елена Михайловна. – Денег на бутылку что ли нет? Стипендию, поди, в первый день спустил? – как бы невзначай напомнила мама сыну сентябрь месяц, когда Виктор Слонов стал первокурсником и уже «понимал», как нужно обращаться со стипендией.

В душе он себя оправдывал: «Ну на самом деле! Поступил, зачисление, посвящение, день рождения группы, вот вся стипендия и ушла».

– Мам, ну не начинай! Не такой уж я и законченный алкоголик! Ну подумаешь, на веселе один раз пришел, заметь, один раз за семнадцать лет! А вы с отцом прямо целую трагедию разыграли! – выпалил Слонов, сам пугаясь своей решительности.

Из зала прошуршал газетой папа, выражая тем самым свое участие.

– Все, мам, не начинай, – глянув в сторону зала, и уже тише продолжал Слонов. – Не надо мне денег, есть у меня и на три бутылки, – съехидничал он. – Я не к тому. Я говорю,

у Сашки день рождения, предки его уехали в Ялту, а сам он ничего не приготовит и из своего дня рождения сделает обыкновенную, банальную пьянку, вот я и...

– Ничего не понимаю! Ты хочешь, чтобы я вам помогла приготовить? – переходя на смех, обобщила невнятные речи сына Елена Михайловна.

– Да нет, не надо нам помогать! Сами мы все сделаем, я просто веду к тому, чтобы ты меня отпустила, – заключил Слонов.

– Ну иди. Я за вечер без тебя не умру, – сказала Елена Михайловна, собираясь вернуться к раковине.

– В том-то все и дело! – оживился Слонов. – Я уйду к Сашке дня на три, дома у него никого нет, да и к тому же – день рождения: сначала один день будем все готовить, потом день гулять, третий – убирать...

– Чего? – перебила его мать. – На сколько? На три дня? Да ты что, с ума сошел? А университет? А учеба? – начиная заводиться, выдала Елена Михайловна.

– Стоп! – обрубил Слонов. – Mam, я все понимаю, вечная проблема отцов и детей, – улыбнувшись, сказал он. – Но сама рассуди. Сегодня пятница, была одна пара, то есть целый день свободный. За сегодня мы все приготовим. Завтра суббота. Если ты помнишь, то мы не учимся, отгуляем, а в воскресенье мы с Петровым мобилизуем все силы на уборку «разоренной» квартиры. И к вечеру я уже буду дома создавать иллюзию грызения гранита науки! Все просто! – осле-

питательно улыбаясь и делая акцент на последней фразе, объяснил Слонов.

Слова сына были настолько убедительны, что Елена Михайловна не нашла ничего другого, как сказать:

– Ну, ладно, иди.

Но все же, чтобы напомнить сыну, кто есть кто, она ненавязчиво добавила с ослепительной улыбкой:

– Только перед тем, как уйдешь, вынеси ведро. И прогуляй-ка, дружок, собачку.

– О, нет! Ну так всегда!!! Мам, я уже собрался. Может, я...

– Хкм, – кашлянул как бы невзначай из зала отец.

«Ну ладно. Надо, так надо. Конечно. Приказы не обсуждаются», – потерянно подумал Слонов и крикнул:

– Джина, гулять!

Услышав магическое слово, ирландский сеттер двух лет, не медля ни секунды, метнулся в коридор, барабаня коготками по линолеуму. Взяв ведро, они вышли.

Иногда Джинкины прогулки совпадали с выгулом всех собак, живущих в близлежащих домах. Свора обычно резвилась на небольшом поле, а стайка собачатников теплым кружком беседовала невдалеке, регулярно выслушивая красноречивые высказывания от жильцов тех же близлежащих домов, типа: «Прохода нет от ваших шавок!», или «Развели тут псарню!», или того круче: «Все дворы загадили, теперь и за наш взялись!». Но хозяйева собак были настоящими

фанатами своего «дела» и ради своих четвероногих готовы были снести и не такое. Так случилось и на этот раз. Джинка стремительно рванулась к резвящейся своре, в беспамятстве задирая лапы выше ушей.

«Опять побежала», – подумал Виктор и с благодарностью посмотрел на ведро, которое болталось в руке. Именно с благодарностью, потому что оно давало ему повод не подходить к владельцам собак. Он не любил встреч с ними, потому что на сто ходов вперед знал о чем с ним будут говорить и на этот раз. А говорить будут как обычно: об ушах, хвостах, блохах, диете и прочей ерунде.

– Ну чего она вечно к ним бегают? – злился Виктор на Джинку. – Хотя ее тоже можно понять, – начал сам с собой рассуждать он. – Ей ведь тоже нужно общение, может, у нее там есть друг, как у меня Петров, или подружка, а может, и не одна. Ей, наверное, скучно сидеть дома, ждать, пока кто-нибудь из нас ее прогуляет. – Ладно уж, резвись. Так и быть, пойду к этим любителям, – решил Виктор и направился к полю.

* * *

– Я уж думал, что ты не придешь. Сразу отпустили или, как полагается, сначала поломались? – спросил умудренный опытом Петров, пожимая руку друга и закрывая за ним дверь.

– Ты знаешь, на редкость. я быстро убедил свою маму... правда, пришлось с Джинкой погулять, компромисс, так ска-

зять.

– А-а-а, – понимающе протянул Сашка. – Ну ты раздевайся, проходи.

Для Виктора Петров, или Сашка, как он его обычно называл, значил уже многое, впрочем, как и для Сашки Слонов. Встретились они на вступительных экзаменах. Или потому, что на подлости и гадости не было времени, или потому, что ВСЕ помогали друг другу, но как бы то ни было, а Слонов шепнул Петрову полководца на истории, тот же, в свою очередь, в знак благодарности помог ему на сочинении, и они сошлись крепко и надолго. После экзаменов они вместе валялись на пляже, разъезжали по дачам друзей, бездельничали в городе и с нетерпением ждали предстоящее студенчество. Наконец, студенчество наступило. Оно было именно таким, каким они его и представляли: строгие, но справедливые профессора, умнейшие и милейшие одногруппники; бездна нового и интересного каждый день из уст преподавателей; веселые, как в школе, перемены между парами; новые друзья, новые знакомые, в общем, на «учебу» они бежали, с трудом дожидаясь утра. После занятий шли к кому-нибудь домой, чаще к Сашке, и порой до позднего вечера сидели у него в комнате. Иногда к ним заходил Сергей Иванович, отец Петрова, и с удовольствием и умильной завистью смотрел на них. В свое время он тоже был студентом, и у него был друг, и они так же расставались только на ночь, чтобы через несколько часов снова встретиться. Родители их тоже

видели, только когда они спали или ели. Он иногда рассказывал «пацанам» о том, как жили студенты в его время, как он жил сам, и обычно это все заканчивалось тем, что из Сашкиной комнаты вырывался дикий хохот, и к ним в недоумении заходила Сашкина мама. По словам Сергея Ивановича, они платили дань студенческой дружбе: самой крепкой, самой веселой, самой долгой и самой, самой, самой. Так незаметно и очень сладко, как во сне, пролетели первые два месяца учебы.

– Ну? С чего начнем? – спросил Слонов, готовый к «труду и обороне».

– То есть? – смутился Петров.

– Я имею в виду по магазинам там пробежаться. Готовить что-нибудь, варить. Насколько я понимаю, у кого-то день рождения?

– Нет. Этому парню ничего уже не поможет, – сказал Сашка и с пафосом раскрыл холодильник, забитый продуктами до неприличия.

– Какие магазины? Ты что, думал, мои любимые папа и мама свалили, оставив меня просто так? – становясь с каждым словом серьезней и серьезней, сказал Сашка. – Откупилесь! – уже веселее добавил он и, чтобы произвести впечатление до конца, открыл бар. Шампанское, ликеры, вина и коньяки мирно стояли, ожидая своего часа.

– Сашка... У меня такое впечатление... что твой отец не банком управляет... а ликероводочным заводом... – еле вы-

мучил из себя Слонов. – Этого же до нового года хватит! – постепенно приходя в себя, заключил он, а в мыслях уже представлял, каким грандиозным застольем пахнет Сашкино восемнадцатилетие. Он представил удивление всех приглашенных от роскоши, в которой утопала квартира Петровых.

В основном мало кто знал, что Сашка – сын банкира, да и он не стремился об этом рассказывать; представил, как сначала все тихо и мирно будут смущенно трапезничать, потом, после нескольких рюмок горячащей кровь жидкости, публика оживет: парни начнут хохмить, девчонки смеяться; потом все разбредутся по комнатам и компаниям, кто-то будет танцевать, кто-то мирно беседовать, кто-то от души веселиться; затем наступит вечер, и все будут пить чай с огромным тортом и допивать ликеры, закусывая фруктами; после будет поздний вечер, и папу и маму еще не сломавшие разойдутся по домам, а оставшиеся будут догуливать, и в середине ночи к ним присоединятся соседи, а может, даже и милиция, вызванная ими; и все закончится тем, что срубившиеся попадают спать, кто где пристроится, а самые стойкие до утра будут шуметь на кухне, чтобы потом ближе к полудню растолкать спящих и снова всем вместе сесть за стол. Одним словом, Виктор представил все прелести предстоящего.

– Готовить нам тоже ничего не придется, – вводя Слонова в реальность, сказал Сашка.

– Чего?

– Говорю, готовить нам тоже ничего не придется. Завтра днем придет сестра с подружками, и к вечеру все будет в порядке. Мы можем расслабиться, – сказал Петров, доставая бутылку сухого из бара.

Весь день они ничего не делали, лишь выпили, так и не захмелев, бутылку вина, расписывая друг другу предстоящее действо. Ближе к вечеру Сашка поиграл Виктору на рояле, и, наоравшись вдоволь, они решили на сон грядущий прогуляться.

– Пойдем. Покажу тебе кое-что, – хитро улыбаясь, сказал Петров и начал обуваться.

Они пришли к гаражному кооперативу, который раскинулся своими пятью рядами кирпичных боксов. Всю дорогу оба молчали. Один гадал, куда его ведет второй, а тот, в свою очередь, шел и думал, какой он уже большой и как все хорошо. Все было прекрасно и удивительно: теплый, сухой осенний вечер, солнце на закате, друг, который идет рядом и молчит, и от этого молчания хорошо и спокойно, предстоящий день рождения, университет, учеба и жгучее желание жить, жить и жить.

Петров, не говоря ни слова, подошел к двери одного из гаражей и открыл его. На Слонова глянули четыре глаза новеньких «Жигулей».

– Подарок, – объяснил Петров. – Батя мог, конечно, и мерседес, и джип или тайоту на худой конец, но говорит, надо поддерживать отечественного производителя... Да и скром-

ней надо быть.

– Вот это-о да-а-а... – протянул Слонов, не зная, чему он больше удивился.

* * *

Они не раз пронеслись мимо университета, заехали ко всем друзьям и подругам, которых по всем законам не было дома, исколесили полгорода и собирались уже вернуть машину в гараж, как вдруг увидели каменное лицо гаишника, невозмутимо стоявшего впереди. Петров сбросил газ и хотел аккуратно миновать опасность, но...

– Мои вы хорошие! – обрадовался инспектор замешательству зеленой «шестерки» и с удовольствием вытянул жезл.

* * *

Закрывающаяся дверь сузила треугольник света на полу и на потолке, затем, превратив его в узкую линию, стерла совсем. Дверь гроыхнула железом и клацнула засовом. Пространство заполнилось чернотой. Внизу что-то прошуршало. Виктор подтянул ноги на топчан. Сашка неподвижно сидел напротив. Глаза после яркого света постепенно привыкали к темноте. Оба напряженно думали.

– Что теперь будет? – через некоторое время разрушил молчание Слонов, адресовав свой вопрос медленно проявлявшемуся в темноте Петрову.

– Ничего хорошего, – лаконично ответил тот.

Помолчали.

– Черт меня понес в этот гараж! – не выдержал Петров и с

гневом ударил кулаком о нары. – Ну почему я такой дурак!? – от бессилия, злясь на себя, крикнул он.

– Сашка, если бы я знал, что у тебя нет ни прав, ни документов на эту проклятую машину, – начал каяться Слонов, – Я бы никогда не сел и тебя бы отговорил. А, да чего уж теперь! Тьфу ты! – плюнул с горя Виктор.

– Так, – вслух стал соображать Петров, не заостряя внимания на исповеди Слонова. – То, что нет прав, – не так страшно. Это грозит штрафом, ерунда, – заговорил холодный разум в неудачливом водителе. – Дальше. Мы слегка подвыпившие, но они не заметили...

– И слава Богу! – встрял Слонов.

– Не мешай, – обрубил его Петров и стал рассуждать дальше. – Документы на машину? Они дома, отец их не взял с собой, зачем они ему...

Петров не договорил. Его вдруг как молнией ударило.

– Ви-ть-ка-а... – растерянно протянул он. – Отец-то в Ялте... Елки-палки! И предкам, и себе все испортил! А мой день рождения?! Нам же торчат здесь, пока отец не придет! – не сказал, не прокричал, а проорал Петров, от волнения вскочив на ноги.

– Нет, нет! Этого не может быть... Я не верю... Со мной этого не может быть... – убивался Сашка, поняв истинную картину своего положения.

Слонов мрачно сидел, обхватив голову, тупо уставившись в пол.

– Витька! Ну ведь так же не может быть! Ты только представь, там отцу придет телеграмма, он сорвется и приедет сюда, чтобы увидеть, какого прикурка вырастил! Я же обещал! Я же обещал, что не прикоснусь к ней... – чуть не плача, произнес последние слова Петров, ища поддержки у Слонова.

Слонов молчал. Чем он мог помочь? Единственное, что его успокаивало – это то, что до воскресения его не хватятся, а там, глядишь, и Сашкин отец подъедет.

Петров с хлюпаньем шмыгнул носом. Виктор понял, что у Сашки сдали нервы и он заплакал. Не в силах ничего изменить, ему оставалось одно – молчать.

Еще помолчали.

– Витька! – позвал Петров ломающимся и все еще дребезжащим голосом.

– Что? – с готовностью, как будто только этого он и ждал, откликнулся Слонов.

– Как ты думаешь, из наших знакомых кто-нибудь встречал день рождения в кутузке?

– Сомневаюсь, – немного подумав, ответил Слонов.

– Хоть это радует, – вздохнул Сашка.

Под ним скрипнули нары, и он затих. Посидев с минуту, Слонов тоже лег и, подложив под голову руку, закрыл глаза.

– Погуляли...

Маска

По духу и по рождению Влад Березин был Сибиряк. Под два метра ростом, вес за сотку, широкая кость, сильный, выносливый, а вместе с тем, открытый, прямой, улыбчивый, всегда готовый прийти на помощь и помочь, если это в его силах. Деда и отец у Влада, тоже были великаны, мощные, рассудительные, спокойные. И мать Влада, была женщина крупная, статная и невероятно красивая, именно про таких говорят «кровь с молоком» и, именно такие, пышут красотой и здоровьем, даже когда им за сорок. Поэтому на семейных праздниках и застольях, когда собиралась вся большая семья Влада, никогда не возникал вопрос в чью породу он пошел.

– В обе удался, – говорили довольные деда.

И действительно, природа Влада одарила и генами и здоровьем.

– Я до двадцати восьми лет не болел вообще, ну кроме там детских ветрянок и краснух. Даже не простывал. Ни в школе, ни в универе не знал, что такое больница или поликлиника. А всё почему, потому, что с шести лет турник, зарядка и хоккей, – с удовольствием хвастался Влад друзьям, если разговор заходил о гриппе, простудах и прочих не обязательных заболеваниях.

Что касается спорта, то выбор у Влада был не велик. В Сибири долгая и холодная зима, а потому с ранних лет де-

твору умеет кататься на коньках, лыжах, а пацаны играть в хоккей. Климат, так сказать обязывает, ну и конечно хоккейных коробок в каждом дворе тогда хватало, маленьких, больших, самодельных, стандартных, просто залитых футбольных полей, но они были. Это сейчас на их месте парковки, новостройки, а раньше были ярко освещенные катки, где до позднего вечера катались и стар и мал, и раздавались гулкие удары шайбы о борт. К тому же, во времена Союза, хоккей, с момента своего появления, стал намного больше, чем спорт. Сборная СССР долгие годы громила всех подряд. «Красная Машина» была сильнейшей в мире и за это хоккеисты, как и космонавты, были любимы народом. Искренне любимы. Гордость переполняла людей, за наших хоккеистов. И академики и урки одинаково гордились нашей сборной, для которой на любом турнире было только одно место, первое! Все мальчишки мечтали быть как Гагарин или Харламов. Любой хоккейный матч во дворе начинался так:

– Я Харламов,

– Я Бобров,

– Я Крутов,

– Я Фетисов,

– А, я – Буре, сейчас еще Лёха придёт, мы за ним заходили, он дома коньки одевает, сказал, что он Фёдоров, Фёдорова не занимать.

В каждом дворе, даже самый невзрачный мальчишка мог перечислить двадцать, тридцать, сорок фамилий русских

хоккеистов, которые золотыми буквами вписаны в историю хоккея: Олимпийские чемпионы, многократные чемпионы мира, первые, кто уехал в «НХЛ», первые, кто выиграл «Кубок Стэнли», первые, кто это сделал несколько раз. Любой пацан знал по имени отчеству наших легендарных тренеров, Чернышева, Боброва, Тарасова, Тихонова... Все мальчишки без исключения, вставая на коньки, мечтали играть в сборной и стать великими мастерами. Мечтал и Влад.

На хоккей его привел дед.

– Нормально, – сказал тренер, окинув взглядом сначала Деда, а затем Влада, – А батя у него такой же здоровый?

– Да, тот ещё лось, – с улыбкой сообщил довольный дед, поняв, что видимо вопрос, решён положительно. Раньше попасть в хоккейную школу было целое дело.

– Ну и отлично. Будешь играть в защите. Сделаем из тебя Александра Палыча Рагулина! Не человек, скала. Знаешь кто такой?

Влад похлопал ресницами, но на всякий случай ответил уверенно и утвердительно, – Конечно, кто ж не знает Рагулина.

Дед и тренер покатались со смеху.

– Соображает, – одобрительно похлопал Влада по плечу тренер, – Врёт и не краснеет, нам, такие нужны.

С того дня у Влада началась другая жизнь: тренировки, поездки, игры, турниры. Это был очень сложный и тяжелый путь, но очень интересный. Классным игроком Влад не стал.

Из-за своих габаритов, он был очень сильным, невероятно выносливым, но крайне медленным. Прибить у борта, расколоть, мощно бросить по воротам, правильно подкатиться и выбить шайбу, выдавить с пятючка, он мог любого, а вот аккуратно забрать шайбу, быстро и точно отдать пас, обострить игру, поддержать атаку и угнаться за нападением, обыграть один в один, он не мог. Хоккей быстрая игра, а Влад всё делал так, что и за километр от него можно было определить, что он задумал, и что сейчас сделает. Поэтому его постоянно накрывали и у ворот случались пожары, да такие, что всей пятерке приходилось пластаться в обороне. Тренеры это несколько смен мужественно терпели, но затем усаживали его на лавку от греха подальше, пусть лучше посидит, хоккей посмотрит, пока гол в свои ворота не привез. Начинался новый период и всё повторялось. Три-четыре смены Влад играл, а затем снова лавка, две-три смены играл, а потом сидел. Любого другого давно бы уже выгнали из команды. Но, природные – рост, вес, сила и мощь Влада не давали покоя тренерам, – Такая машина, такая одаренная генетика для хоккея, не трус, с характером парень. Другой бы уже сломался, а он старается, терпит, ни на кого не обижается... Может ещё проснется, может еще заиграет?!

Так авансом тренеры и дотащили Влада до семнадцати лет, до окончания спортшколы. Чуда не произошло. Влад не очнулся, не проснулся и не заиграл. Не попал в дублеры, к тому времени это уже называлось фарм-клубом, и уж тем бо-

лее в команду мастеров. Но он и не рассчитывал. Влад всегда реально оценивал свои возможности. Просто он любил и обожал хоккей, дружил со всеми пацанами в команде и, чтобы в ней остаться, на каждой тренировке пахал как проклятый, в любой игре, даже в товарищеской ложился под шайбы, лез во все стыки и во все драки. За это его очень уважали и тренеры, и ребята. Пусть он не стал великим игроком, как мечтал, но он вырос крепким, здоровым, уверенным в себе мужиком, а это, тоже не мало.

На спортшколе роман с хоккеем не закончился. Влад поступил в университет, и в первом же сезоне стал капитаном универовской команды и главной его звездой. Это среди мастеров он был медленный, а среди студентов, он был ракета! Он отдавал, забивал, подключался к атакам, а самое главное успевал вернуться в оборону при потере шайбы.

– Во машина! – восхищались партнеры по университетской сборной.

Так и промчались для Влада все пять курсов: тренировки, лекции, игры, студенческие пирушки, сессии, зачеты.

Команду в университете любили, и если на экзамене не хватало знаний и обаяния, преподаватели с легкой симпатией натягивали Влада на четверочку, ну или на троечку, если совсем всё плохо было. Огромного защитника, героя ледовых баталий, в университете знали все. Он этим не злоупотреблял, но было приятно, что его ценят.

Закончив универ, Влад попал на работу в большую част-

ную строительную компанию, и надо ж такому случиться, что владелец и генеральный директор фирмы «Стрела», Дмитрий Андреевич Воробьев, а за глаза просто шеф, был повернут на хоккее. Как и Влад, он все детство провел на катке, в армии служил в спортроте и играл за местный «СКА», после дембеля, бился на первенстве города за свой район, потом были смутные времена, занялся бизнесом, было не до хоккея, но когда компания встала на ноги и он разбогател, Дмитрий Андреевич сколотил из своих сотрудников хоккейную команду и пошло, поехало.

Всё начиналось как группа здоровья. Два раза в неделю, по вечерам, все желающие собирались на открытом катке, с удовольствием гоняли шайбу на морозце и разгоряченные, взмокшие и невероятно довольные, напившись горячего чаю из термосов, разъезжались по домам. Так прошла первая зима, и когда лед растаял, команда была уверена, что кончится слякоть, поле подсохнет, и на этой же коробке будем играть в футбол. Но у директора была идея получше. Он предложил переехать на искусственный лед во дворец спорта. О таком счастье, даже мечтать никто не мог.

– Мужики, – сказал Воробьев, – Нас уже тридцать человек набирается. Пора нанять профессионального тренера, всем купить хорошую форму, тренироваться не два, а хотя бы три раза в неделю, ну а на следующий сезон заявляться в любительскую лигу. Хватит играть на пиво да на щелбаны.

Вот это был поворот! Все знали, шеф слов на ветер не бро-

сает. Если сказал, значит, так оно и будет, и когда Влад пришел в компанию, команда уже несколько сезонов подряд была чемпионом города, три раза в неделю круглый год тренировалась на льду, ходила в самый шикарный фитнес-клуб, не далеко от офиса, а на выходных, если не было игр, Дмитрий Андреевич Воробьев собирал всех в бане, в своем загородном доме. За несколько лет команда превратилась в дружный, сплоченный коллектив, и это самым лучшим образом отражалось и на работе, и на всем огромном штате компании. «Стрелой», команда естественно носила то же название, что и фирма, гордились все, от курьеров и работяг, до финансистов и аналитиков. Надо сказать, что и в команде играли парни и взрослые мужики из разных отделов: и крановщики, и строители, и инженеры, и снабженцы и руководители разных уровней, не говоря уж о самом Воробьеве, и все было очень демократично. Хоккей мужская игра. На льду не важно, какая у тебя должность. Важно, какой ты игрок, какой человек, есть ли у тебя стержень, характер. Кто-то в тяжелой ситуации дрогнет и сложит крылья, а, кто-то, наоборот, когда уже скамейку захлестнуло отчаянье, может выйти и забить, и у команды откроется второе дыхание, все снова поверят в победу и вернуться в игру. Во все времена, в любом деле, всё решали личности.

Клюшки и форму своим игрокам покупал Воробьев. Аренду льда, зарплату тренерам, абонементы в фитнес, поездки на турниры в том числе и за границу, команде оплачи-

вала тоже он. Конкуренты и недруги, считали, что Воробьев хоккейный клуб держит исключительно из-за нереализованных детских амбиций и для рекламы компании, ну и себя любимого в первую очередь. И действительно, хоккейный клуб «Стрела» частенько показывали по телевизору, чемпионы, как-никак. Журналисты регулярно брали интервью у игроков и «играющего владельца» клуба, а самого Воробьева даже мер города, как-то хвалил по телеку, что, дескать, есть такие уникальные руководители и общественники.

Всё, что говорили о Воробьеве, все было отчасти правдой. Безусловно, наличие команды в фирме, спланивало людей и тех, кто играл в хоккей и тех, кто за них болел. И реклама компании «Стрела» за счет хоккейного клуба, помогала бизнесу, и какая-никакая популярность, давала возможность Воробьеву открывать разные двери в коридорах власти, но это были не самые главные причины, почему Воробьев так пёкся о команде и тратил на неё свои деньги. Быть владельцем даже любительского хоккейного клуба дело хлопотное и очень не дешевое удовольствие. Главное заключалось в другом. У Дмитрия Андреевича была одна золотая мечта – выиграть чемпионат мира среди любителей. Финал чемпионата каждый год проходил в Канаде и был самым престижным трофеем в любительском хоккее, который котируется не меньше чем «Кубок Стэнли» у профессионалов. К пятидесяти годам, Воробьев в своей жизни достиг уже не мало, но мысль о чемпионате мира ему не давала покоя уже

несколько лет. Поэтому он с удовольствием брал в компанию толковых хоккеистов, придумывал им должности, давал работу, тем самым, усиливая свою ледовую дружину.

Естественно, всего этого, устраиваясь на работу, Влад не знал.

Первую тренировку он смотрел с трибуны.

– Ну как тебе наши парни? – к Владу подошел мужчина и протянул руку, – Сергей Алексеевич, администратор команды.

– Хорошая команда, очень крепкие игроки есть, я некоторых знаю, в одну спортшколу ходили.

– Естественно, они про тебя шефу и рассказали, а он пригласил тебя на тренировку. Пойдем форму получать.

– Да у меня своя есть.

Администратор улыбнулся:

– Твоей наверное лет десять, а я выдаю всё новенькое, с иголки. Некоторые профессиональные команды не одеваются так как мы.

– Ну, ну, – Влад иронически улыбнулся, – В мое время говорили, что игрока и в фуфайке видно.

– Это все так, – согласился администратор, – Играют люди, а не форма, но шеф считает, что всё должно быть солидно, поэтому пойдем одеваться, может, еще и на лёд к ним успеешь.

В этот день Влад на лёд не попал. Пока всё нашли, примерили, подогнали, команда вернулась уже в раздевалку. К

Владу подошел Воробьев:

– У нас через два дня товарищеская игра, так, контрольный матч. Ты когда последний раз катался? Может, присоединишься?

– Присоединюсь, – сказал Влад, хотя коньки не одевал уже несколько месяцев, – Сразу ничем не удивлю, мне бы вкатится пару недель, а так я игровую форму быстро набираю.

– Посмотрим, – улыбнулся Воробьев, – Ребята говорят, по студентам ты лихо играл.

Влад промолчал, но ему было приятно, что на него рассчитывают и связывают, пусть пока иллюзорные, но надежды.

В день игры Влад быстрее, чем обычно размялся, и самый первый оделся.

– Не торопись, без нас не начнут, – пошутил Воробьев, окинув взглядом полуодетую раздевалку, – А ты почему без маски?

Когда Влад играл в спортшколе, все дети должны были выходить на лед в железных масках для защиты лица. Молодежь так и называли, масочники. После восемнадцати лет маску можно было снять и именно отсутствие «решетки» было первым признаком того, что это уже не юниор, не «молодой», а взрослый игрок, пусть и с юным лицом. Все молодые хоккеисты хотели, как можно быстрее снять железные решетки, чтобы казаться взрослей, ну и больше походить на своих кумиров, которые в масках никогда не играли.

Первый визор Влад увидел примерно на третьем курсе, именно тогда, в моду только-только начали входить прозрачные пластиковые маски на пол-лица. Не смотря на то, что играть в прозрачной полумаске было модно и престижно, многие в студенческом чемпионате так и продолжали постаринке выходить на лед либо в железных масках, либо вообще без них. Влад разделял мнение большинства, играл с незащищенным лицом и к новшеству относился с ухмылкой, считая это пижонством. Влад был до мозга костей воспитанником «советской» школы. Тогда любые навороты и понты жестко пресекались. Ничем нельзя отличаться от хоккейного коллектива, в котором ты живешь, тренируешься и растешь. Но времена изменились. Наши поехали за океан, а там всё наоборот, чем больше понтов и примочек, тем значит более звездный статус игрока. Только самым ярким звездам производители формы и экипировки предлагали рекламные контракты и возможность потестировать новинки, поэтому о визоре Влад нет-нет, да задумывался, дабы не отставать от всего прогрессивного человечества. Но как-то все не складывалось, то времени не было, то денег, а летом клюшки и форма вообще жили в гараже и про хоккей Влад даже не думал, где уж там вспомнить про визор. Да и за всю его полукарьеру, шайба рядом с лицом ни разу не пролетала, хотя он и играл в защите.

Вот и на вопрос Воробьева, Влад хотел отшутиться, – Да я в маске никогда не играл, поэтому на фарт, ничего менять

не буду.

– Алексеич, – обратился Воробьев к администратору, – А молодому человеку маску выдали?

– Конечно, – встрепенулся хоккейный завхоз.

– Тогда помоги ему её к шлему прикрутить.

– Я всё понял, я сам справлюсь, – без боя сдался Влад, – И, правда, чего я упираюсь, – подумал он, выкручивая болты крепления из шлема.

– Вот и молодец, – по-отечески улыбнулся Воробьев, – Ты же молодой, лицо еще пригодится.

– Пригодится, – согласился Влад.

От новой формы в первые мгновения на льду Влад испытал огромную радость и восторг, как в детстве, словно получил и одел хоккейное снаряжение в первый раз. Всё было удобней, легче, седело словно подогнанное, ноги жёстко стояли в колодках новых коньков, и казалось, что скорость в них набирается без усилий.

– Да, это не моя старенькая форма, – восхищался Влад.

Но эйфория быстро прошла. Беспokoила маска. Влад понял, что к ней нужно будет привыкать и быстро, наверно, не получится: стекло, когда он выдыхал носом, запотевало, глаза на шайбу смотрели то через маску, то под неё, взгляд приламывался и приходилось постоянно поднимать голову или перчаткой поправлять шлем, но тогда маска оказывалась на лбу и не защищала лицо.

Приноровившись, он нашел оптимальное положение шле-

ма на голове, чтобы маска защищала верхнюю часть лица, а чтобы не потела, он её немного отогнул и через нос только вдыхал.

Разминка прошла более-менее нормально. Влад разогрелся и почти забыл, что на мир смотрит через прозрачный пластик. Всё получалось, шайба летела туда, куда надо, ему легко бежалось и он ощущал себя в родной стихии. С детства знакомые упражнения его снова увлекли, и тренировка покатила по хорошо знакомому сценарию, будаража счастливые воспоминания. Свежесть и сыроватую прохладу льда он вдыхал полной грудью.

Как за новичком за ним все пристально наблюдали. Но он справлялся. Повышенное внимание его только подстегивало и всё бы ничего, но снова о себе напомнила маска.

– Ну и зачем она мне, – в сердцах сказал Влад, когда по стеклу покатались первые струйки пота с мокрой головы и стали реально мешать видеть не только шайбу, но силуэт ворот, фигуры игроков, которые были куда крупнее резинового черного диска.

– Пойду сниму, я ничего не вижу, – сказал Влад, подъехав к шефу показывая на прозрачный пластик с разводами, – Откручу и быстро вернусь...

– Ни в коем случае, – перебил Воробьев, – Ты протри маску пальцем перчатки и всё будет нормально. Не стоит уходить со льда в раздевалку, если уже вышел, плохая примета. Ты же матёрый, должен знать.

– Я знаю, – согласился Влад и протер визор указательным пальцем.

Обзор вернулся и теперь, когда с головы текло, а в хоккее с головы течет постоянно, Влад спокойно протирал маску и продолжал резво носиться по площадке.

Началась игра. Влад попал в третью пару защитников. Свой первый выход в новом коллективе он ждал без особого волнения. Годы тренировок и опыт брали своё. Момент наступил, он выбежал и в первой же смене, в первой же заварушке в своей зоне, после первого же мощного щелчка в сторону ворот, шайба угодила Владу прямо в лицо. Но он же был в маске!

Удар оглушил его, а шайба, сдвинув шлем, рикошетом отскочила в горло, но это он почувствовал уже потом. Как в кошмарном сне, полет шайбы он увидел еще издалека. Понял, что она летит в лицо и, что «убежать» от нее он уже не успеет.

– Минимум десять швов, – мелькнуло в голове, прежде чем Влад услышал характерный тугой звук удара резиновой шайбы о пластик маски.

– Повезло тебе, – сказал кто-то рядом, и игра продолжилась, как ни в чем не бывало. Да, хоккей – это жёстко.

Щелчок в маску, Влада смутил и сбил с толку. Нет, он не испугался, он был просто сметен и ошарашен. Он не думал, о том, что ему повезло. Его переполняли другие мысли. Он был взволнован. За много лет шайба ему не то что в лицо

не попадала, она даже рядом не летала, а тут, одев маску, он получил мощнейший удар в первые же пятнадцать минут.

– Возможно – это просто случай, совпадение, или стечение обстоятельств, – думал Влад, – А возможно, мы сами программируем и провоцируем события. Не прикрути я пластик к шлему, может, так и остался бы «заколдованным» для шайбы, – не выключаясь из игры, анализировал он, на первый взгляд пустяшное происшествие.

– Возможно, какие-то события мы предчувствуем, и то, что я безропотно согласился одеть визор, было именно предчувствием, так как время от времени на моих глазах кому-нибудь нет-нет, да разбивали лицо или выбивали зубы. Затем кровь на льду, на форме, скорая, швы, поэтому, мысль о маске меня иногда ведь посещала, – продолжал размышлять Влад, сидя на лавке запасных, когда смена закончилась.

– Наверно, я долго испытывал судьбу, и все это время мне просто везло, – про себя ухмыльнулся Влад, – А то, что я впервые вышел на лёд в маске и именно в этот день мне щёлкнули в лицо – это апогей везения, запрыгнул фактически в последний вагон уходящего поезда, – буря в голове начала успокаиваться и Влад даже сам себе улыбнулся, ни на миг не теряя цепким взглядом нить игры.

– В любом случае, – решил для себя Влад, – Эта маска меня выручит еще не раз, и на лед без неё я больше ни ногой. Конечно, до этой простой мысли можно было прийти и без «экспериментов», но уже как есть, так есть, – он снова

улыбнулся, – Прав Воробьев, в жизни все нужно делать солидно и профессионально. Положена маска – значит нужно ее одевать. Положено останавливаться на красный свет, значит, нужно остановиться. Конечно, можно рискнуть и проскочить, но ведь можно и не проскочить. Зачем гневить судьбу? Про правила дорожного движения не зря ведь говорят, что все они были написаны чьей – то кровью. Вот и в жизни так. А щелчок в маску – это было предупреждение.

Владу снова пришлось время выходить на лед. Тот матч, он сыграл на троечку. Во-первых, долго не катался. После перерыва всегда тяжело начинать набирать спортивную форму, поэтому быстро выдохся и устал. Хотя играть желание было огромное. Во-вторых, разные мысли о судьбе, фарте, о счастливых случайностях и неудачных стечениях обстоятельств, занимали его голову и воображение, и это был тот самый редкий случай, когда Влад играл в хоккей только руками и ногами, а не сердцем и головой, как положено. Игре нужно отдаваться со всей страстью, впрочем, как и всему за что берешься.

2003

Мэрилин Монро

Уже двадцать минут группа сидела в унылом ожидании. Ровно пять минут назад вышло время, которое по уставу

университета студенты обязаны покорно ждать преподавателя после звонка, ибо преподаватели тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. В том числе и опоздания.

Еще бы год назад Макс, а вместе с ним и добрая половина его одноклассников несказанно обрадовались бы этому факту проявления солидарности профессора Надькина со всем человечеством. Но уже был конец четвертого курса, время, когда знания действительно приобретают вес знаний и когда все уже побывали на практиках и оценили свои возможности, выяснив, к своему ужасу, что еще учиться и учиться и что три года потеряны безвозвратно.

Еще одно обстоятельство ввергало в уныние тридцать будущих служителей Фемиды. Пара Надькина стояла в середине расписания, и в случае неявки профессора, а все шло к тому, придется два часа где-то болтаться. Если бы его предмет был последний, куда бы еще не шло, а то третий, да после него еще два. В общем, так и сидели, каждый про себя проклиная старичка Надькина, вспоминая, какие номера он выкидывал на младших курсах, игнорируя, время от времени, первые пары, когда сквозь мороз и пургу весь курс приходил к полдевятому... и к девяти уже засыпал на партах, и как по пять раз, ходили сдавать ему экзамены, как сдавали ему зачеты в восемь вечера 31 декабря, за что и окрестили его «железным Феликсом», а позднее «Энерджайзером».

Постепенно аудиторию начали покидать смирившиеся с судьбой. Надежды Макса на то, что лекция все – таки состо-

ится, таяли вместе с тем, как пустела аудитория. Дальше сидеть было уже глупо. Манерно вздохнув, он взял со стола папку и вышел.

* * *

За парадной дверью главного корпуса благоухала весна. Уже распустились первые почки в университетской роще, и все дышало жизнью. Макс с удовольствием шел по аллее, с наслаждением жмурясь от солнца.

«Ладно, бог с ним с этим Надькиным. Жизнь прекрасна. В такую погоду грех учиться! Плохо вот, что в середине дня его пара, так бы на работу раньше приехал», – думал Макс, не спеша бредя по роще, и с усмешкой поглядывал на студенточек, которые шли ему навстречу и не сводили с него глаз. Он уже к этому привык. Уж слишком часто ему говорили, что он красив. Ну так уж случилось.

Макс, точнее Максар Атаев, закончив школу с золотой медалью, приехал поступать в университет. На отлично сдал все экзамены и стал студентом юрфака. С первых же дней учебы, не пропуская студенческих пирушек, Макс начал удивлять преподавателей не только знаниями и усердием, но и своей фанатичной преданностью праву. Уже после первой сессии преподаватели факультета с гордостью говорили друг другу: «У меня сейчас есть студент из Бурятии, так он...». А все было проще, парень просто хотел стать юристом и четко знал, куда шел. На втором курсе его пригласили работать в небольшую частную фирму, а к концу четвертого он уже

возглавлял отдел крупной юридической структуры. По большому счету, университет для него уже не имел того эпохального значения, как на младших курсах. Более того, сейчас он даже где-то мешал, так как «серые людишки, правящие миром» свои дела решают с утра, а в это время, как правило, были лекции, и приходилось пропускать занятия, что было так для него не характерно. К тому же некоторые предметы он уже перерос, так как имел постоянную практику. В целом, в этом городе для него все сложилось удачно, не считая дерзкой выходки профессора Надькина.

«Меня, занятого человека, заставлять так бездарно проводить время!?» – ухмыляясь, думал Макс, по-прежнему радуясь солнцу и весне.

– Максар! – услышал он за спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.